

SYNOPSIS

Michail Bezrodnyj
Ассорти юбилейное

ПЯТНА

... на солнце:

Графиня просит Томского прислать книги, и он выходит. Затем графиня велит Лизавете Ивановне распорядиться подавать карету, и та выбегает. Тут же является слуга с книгами от Томского — словно Томский их не дома держит, а с собою возит. Графиня хочет, чтобы Лизавета Ивановна почитала ей вслух, и спрашивает у нее, куда это она бежит — но Лизавета Ивановна только что выбежала выполнять первое поручение и еще не воротилась.

... и на зеркале:

Князь Щербацкой передразнивает жену, очарованную Вронским: «Ах, спиритизм, ах, Ницца, ах, на бале...» — и обо всем этом Вронский, действительно, говорил, однако о Ницце — до прихода князя.

ТОМСКИЙ

Графиня обращается к внуку «Paul» и «князь Павел»¹, так что финал повести: «Томский произведен в ротмистры и женится на княжне Полине» иллюстрирует закон тяготения подобного к подобному: князь Поль женится на княжне Полине.

ГЕРМАНН

Именованье адресата Машенькой, упоминание императрицы и изображение лирического героя «с напудренною косою» понуждают искать в «Заблудившемся трамвае» отголоски «Капитанской дочери»². Между тем строфа:

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косою
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.

— отсылает скорее к «Пиковой даме»³, где есть и самоотождествление с героем XVIII в.:

По этой самой лестнице, думал он, может быть лет шестьдесят назад, в эту самую спальню, в такой же час, в шитом кафтане, причесанный à l'oiseau royal, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливец, давно уже истлевший в могиле...

---

¹ По поводу несовпадения титулов бабушки и внука А. Ильин-Томич пишет: «Или его [Томского] отец, один из четырех сыновей действующей в повести старой графини („все четыре отчаянные игроки“), имел великие заслуги и был пожалован в князья (именно этой версии придерживается Г. Г. Красухин в своей книге „Покой и воля“. М., 1987. С. 184), или перед нами еще один случай, когда сквозь текст „Пиковой дамы“ проступают реальные прототипы» (Ильин-Томич А. А. «Пиковая дама означает...» // «Столетия не сотрут...»: Рус. классики и их читатели: [Сб. ст.]. М., 1989. С. 415).

² См.: Магомедова Д. М. Об одной пушкинской аллюзии в «Заблудившемся трамвае» Н. С. Гумилева // Филол. журн. 2007. № 2. С. 225—228.

³ По наблюдению К. Елисеева, принявшего участие в обсуждении этого эпюда, «Заблудившийся трамвай» связан с «Пиковой дамой» не напрямую, а через оперную интерпретацию.

и «стонала в своей светлице»:

Сколько раз, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать в бедной своей комнате,

и «представляться императрице»:

...и когда мы представились, то государыня...

и «не увиделся вновь с тобой» (поскольку шел к другой).

Реминисценции «Пиковой дамы» в этой гумилевской строфе, кажется, слышала Ахматова, написавшая:

От меня, как от той графини,
Шел по лестнице винтовой,
Чтоб увидеть рассветный, синий,
Страшный час над страшной Невой.

АНТИ-БЕНКЕНДОРФ

В «Былом и думам» об авторе «Lettre première» говорится, что он «был бы совершенно прав, говоря, что прошедшее России пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет». Условное наклонение использовано неслучайно — в «Lettre première» эта трехчленная формула отсутствует⁴. Сочиняя ее «за Чаадаева», Герцен не столько опирался на «Lettre première», сколько отталкивался от слов, которые по поводу этого текста произнес Бенкендорф: о восхитительном прошлом России, о ее более чем великолепном настоящем и о ее превосходящем самые дерзкие фантазии будущем⁵.

---

⁴ Сказано иначе — что жизнь русских ограничена только ближайшим настоящим, а прошлого и будущего у них нет: «Nous ne vivons que dans le présent le plus étroit, sans passé et sans avenir».

⁵ «Le passé de la Russie a été admirable, son présent est plus que magnifique, quant à son avenir, il est au-delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer».

ZUR GEBURT DER STERNFORMEL

Die zwei berühmten Formeln — (1) «...der bestirnte Himmel über mir, und das moralische Gesetz in mir» und (2) «...man muss noch Chaos in sich haben, um einen tanzenden Stern gebären zu können» — wurden bereits in einen Zusammenhang gestellt: «... [es] sollte einen nicht übersehen lassen, daß die Metapher von der Sterngeburt sich der modernen, nachkopernikanischen Astronomie verdankt. Sie ist erst möglich seit Kants <...> „Theorie des Himmels“, wonach die kosmischen Nebel, welche sich innerhalb des Milchstraßen-Systems befinden, als Bildungen neuer Sterne aus einem chaotischen Nebel erklärt werden»⁶.

Doch ging es hier nur um den Teil «über», in dem die Formel (2) der Formel (1) folgt. Unbemerkt jedoch scheint geblieben zu sein, dass im Teil «in» die Formel (2) der Formel (1) gegenüber gestellt ist: Chaos vs Gesetz.

ЛЕГАВЫЕ И СТОРОЖЕВЫЕ

Простолюдин их не различает. В «Карениной» крестьянин спрашивает у охотников «Не укусит она?», имея в виду левинскую Ласку или стивиного Крака, и обе они кажутся «страшными и огромными» крестьянскому сыну. У Некрасова крестьянские дети боятся Фингала, пока тот не начинает по команде хозяина «выкидывать штуки». В «Барышне-крестьянке» Лиза пугается неожиданно выскочившего на нее и залаявшего Сбогара, тут же приходит в себя, но, вспомнив, что она «Акулина», разыгрывает испуг.

МАРКЕР ТЮРИН

В примечаниях к «Запискам маркера» (1853) отмечается, что «отдельные имена <...> связаны с жизненными реалиями»⁷, но в числе комментируемых отсутствует упоминаемое рассказчиком имя Тюрин («Петрушка-маркел, я чай, всем известен. Тю-

---

⁶ Groddeck W. «Oh Himmel über mir»: Zur kosmischen Wendung in Nietzsches Poetologie // Nietzsche-Studien. 1989. Bd 18. S. 504.

⁷ Толстой Л. Полн. собр. соч. Худож. произв. М., 2002. Т. 2. С. 327.

рин был да Петрушка-маркел»). Вероятно, имеется в виду петербургский маркер из ярославских мещан, выведенный под именем Тюря в бильярдной главке некрасовского «Говоруна» и под именем Антон Ермолаевич Шаров в водевиле «Ворона в павлиньих перьях» (поставлен в 1853) Н. И. Куликова, а также в «Воспоминаниях» Панаевой. Согласно «Говоруну», Тюря служил в ресторане Лерхе⁸, согласно водевилю Куликова, — в трактире на Невском⁹, согласно примечаниям К. Чуковского к панавским мемуарам, Степан Тюря был маркером в трактире Палкина¹⁰.

О ГРАММАТИКЕ КОЛДОВСТВА

(1) Чародейкою Зимою / Околдован, лес стоит — /
И под снежной бахромою, / Неподвижною, немою, /
Чудной жизнью он блестит.

(2) И стоит он околдован, — / Не мертвец и не живой — /
Сном волшебным очарован, / Весь опутан, весь окован /
Легкой цепью пуховой...

(3) Солнце зимнее ли мещет / На него свой луч ко-
сой — / В нем ничто не затрепещет, / Он весь вспыхнет
и заблещет / Ослепительной красой.

Мотив неподвижности оформляется отрицанием — удвоенным в 1-й строфе («неподвижною, немою») и во 2-й («не мертвец и не живой») и двойным в 3-й («ничто не»). Мотив околдованности оформляется цепочками страдательных причастий и дополнений в форме тв. п. (составляющих почти половину всех склоняющихся слов), т. е. рифмовка на *-ован* предопределена страдательностью, а на *-ой/-ою* — инструментальностью.

---

⁸ «...у Лерхе в ресторации <...> гений Тюри носится / Над каждой головой» (Некрасов Н. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948. Т. 1. С. 188).

⁹ «Дом на Невском есть прошпекте / Среди улицы большой; / Там Антоша наш в решпекте, / Между знатью деловой. // Там шаров балотировка / По зеленому столу... / У Антоши же сноровка / С палкою стоять в углу: <...> И по должности Антоша / Все маркелом там зовут!..» (Куликов Н. Ворона в павлиньих перьях. СПб., 1860. С. 4).

¹⁰ См.: Панаева А. Воспоминания. М., 1956. С. 393.

В естественной речи удельный вес ударного «о» составляет 20%, в данном стихотворении — 46%, и особенно он высок в рифмующихся словах: всего 66% случаев, а во 2-й строфе — все 100%. Частотность буквы «о» в этом тексте — 36%. Все причастия и одно прилагательное начинаются приставкой «о-», а раскрытие смысла «околдован» как «весь опутан, весь окован ... цепью» поддерживается иконическими ресурсами «о» — его кругообразностью.

«ЗЛОЙ, ЗОЛОТОЙ, БЕСПОЩАДНО ЛИКУЮЩИЙ ЗМЕЙ...»

Это стихотворение Сологуба датируется 20 июня 1906 г. и написано, вероятно, по прочтении статьи Бальмонта «Флейты из человеческих костей», опубликованной в июньской книжке «Золотого руна» на 1906 г. и включающей в себя текст стихотворения, которое в сб. «Злые чары» будет озаглавлено «Праздник сжиганья». Ср. в особенности зачин у Сологуба:

Злой, золотой, беспощадно ликующий Змей
В красном притине шипит в паутине лучей.

и финал у Бальмонта:

Синие молнии, синие молнии, чудо раденья громовых лучей,
Слившихся с дрожью светло-изумрудных,
хмельных новизною, змеиных очей.

О, праздник змеиный!
О, звенья сплетённых,
Отнем возрождённых,
Ликующих змей!

О СТИЛИЗАЦИИ

Использование в 6-й главе «Петербурга» нетипичного для книжной поэзии (до 1920-х) приема включения в рифмопару патронима в простонародной огласовке (слева), вероятно, восхо-

дит к экспериментам Сергея Соловьева с пентонами «под Кольцова»:

Купи маминька	Расскажу-ка я
На платье	Вам теперича
Жиганету	Про Василия,
Серавя:	Про Матвейча.
Уважать топерь	...
Я буду	Разнаряжена
Васютку	Чисто заново,
Ликсеева!..	Аграфена в нем
...	Дочь Иванова.
Купи маминька	
На платье	
Жиганету	
Синева:	
Уважать топерь	
Я буду	
Сыночка	
Васильева!..	

-ИТЕЛИ И -АТЕЛИ

Среди подтекстов мандельштамовской «Квартиры» О. Ронен называет «Друзьям» Блока и, в частности, отмечает, что в строчке «Какой-нибудь честный предатель» отозвались блоковские «Какой-нибудь поздний историк» и «Предатели в жизни и дружбе»¹¹. Стоит добавить, что и чередование рифмопар *-итель/-атель* (субститутов неназываемого слова «писатель»):

Какой-нибудь изобразитель,
Чесатель колхозного льна,
Чернила и крови смеситель
Достоин такого рожна.

Какой-нибудь честный предатель,
Проваренный в чистках, как соль,
Жены и детей содержатель,
Такую ухлопает моль.

¹¹ См.: Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2002. С. 41.

— также восходит к «Друзьям»:

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов...

«Квартира» не могла быть известна Цветаевой, однако спустя два года, в «Читателях газет», она воспользовалась сходным приемом и отчасти тем же словарем. «Читатели газет» рефреном упоминаются в паре с другими *-ателями*: «Жеватели мастик», «Глотатели пустот», «Чесател[и] корост», а венчается этот ряд парой *-ителей/-ателей* (что подготовлено чередованием рифмопар *-от/-ет, -ет/-ат, -ут/-ет*):

Смесители кровей,
Писатели газет.

Слияние «читателей» с «писателями» происходит, собственно, еще в слове «чесатели» — том же, что и у Мандельштама. И так же, как в «Квартире», писательство уподоблено кровосмешению.

СТОГНЫ

Это слово встречается в лирике Мандельштама дважды — в соседних по времени сочинения стихах, написанных «очень редким»¹² размером — Ам5 с рифмовкой мжмж: (1) «Когда ты уходишь, и тело лишится души...» (допечатная версия стихотворения «За то, что я руки твои...») и (2) «Когда городская выходит на стогны луна...».

В (1) фигурируют иволга: «И я задыхаюсь, как иволга в хвойной глуши» и ласточка: «Как серая ласточка, утро в окно постучится». В (2) — кукушка: «И плачет кукушка на каменной башне своей».

М. Гаспаров пишет, что толчком к превращению (1) в богатое античными ассоциациями «За то, что я руки твои...» стал образ иволги, которая «давно связывалась для Мандельштама

¹² Гаспаров М. Л. Избр. ст. М., 1995. С. 218.

с Грецией и Гомером», а в (2) ее сменила кукушка из «Слова о полку»¹³.

Обратимся к последней строфе (1):

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
Как серая ласточка, утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится.

Представляется, что «ласточка» в сочетании» с «оКНом» и «стОГНАми» (а также «ПРОснувшимся») шифрует имя Прокна / Прогна¹⁴, и свой след это имя оставляет также в (2) — как «стОГНАми», так и «башней» — странным для кукушки и обычным для ласточки местом гнездования; ср. у Батюшкова: «Когда-то Прогна залетела / От башен городских, обители своей...»

«ЛЮБЕЗНЫЙ АРИОСТ НЕМНОЖЕЧКО ОХРИП»

Е. Солонович утверждает, что написать это «мог только тот, кто знал, помнил заключительное двустушие четырнадцатой песни Ариостовой поэмы: „Но я охрип — и до другого раза / Отложим продолжение рассказа“»¹⁵.

Категоричность этого наблюдения кажется избыточной. При известии о том, как «Ар... охрип», вспоминается каламбур, сочиненный Прутковым («Гисторические материалы Федота Кузьмича Пруткова (деда)») и увековеченный Чеховым («Попрыгунья»): о потерявших голос Архипе и Осипе.

Любезный Мандельштам немножечко осип?

---

¹³ Там же. С. 217.

¹⁴ Оно же мерцает в «Ласточке» (стихотворении того же времени, что и упомянутые) — в глаголе «прокинется» (отмечено в: Ошеров С. А. «Tristia» Мандельштама и античная культура [доклад 1982] // Мандельштам и античность: Сб. ст. М., 1995. С. 200; Ронен О. Два полюса параномазии // Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA. Columbus, 1989. P. 293).

¹⁵ Солонович Е. [Предисловие] // Новый мир. 2011. № 6. С. 123; пер. Солоновича; в ориг.: «Non più, Signor, non più di questo canto; / ch'io son già rauco e vo' posarmi alquanto».

О ТЩЕТЕ БОГАТСТВА

Герой шуточного рассказа Йоханна-Петера Гебеля «Kannitverstan» (1809/11)¹⁶, немецкий подмастерье, попадает из Тутлингена в Амстердам. Пораженный видом роскошного дома, он интересуется у прохожего, кто его владелец. Прохожий отвечает: «не понимаю», и подмастерье, приняв этот ответ за имя, восхищается богатством Каннитферштана. Наблюдая в порту, как разгружают прибывший из Ост-Индии большой корабль, подмастерье интересуется, кому принадлежат эти богатства, и получает тот же ответ, что и в первый раз. Наконец, он видит пышную похоронную процессию, спрашивает, кого хоронят, и слышит все тот же ответ. С тех пор от зависти к чужому богатству его удерживали воспоминания о господине Каннитферштане, о его большом доме, богатом корабле и тесной могиле.

Популярная в Германии, эта история известна и русскому читателю — в частности, в переложении Жуковского. Представляется, что вместе с приемом «считывания советских неологизмов как фамилий» (ср.: «Хозяин дома Жакт, а хозяин магазина Петрорайрабкооп» у Олейникова)¹⁷ и мотивом фиктивного богатства в сказке «Кот в сапогах»¹⁸ она легла в основу стихотворения Маршака «Кто он?»¹⁹, в котором иностранный турист, разъ-

---

¹⁶ Восходит к анекдоту о французском дворянине, который неверно интерпретировал ответ «Ik kan niet verstaan», полученный на все его вопросы, заданные в Амстердаме. См.: Franz K. Johann Peter Hebel, Kannitverstan: Ein Mißverständnis und seine Folgen: Texte, Kommentar, Abbildungen. München u. a., 1985. S. 13—15, 67—69.

¹⁷ См.: Левинг Ю. Воспитание оптикой. М., 2010. С. 185—187.

¹⁸ См.: Безродный М. When the Sleeper Wakes // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 37. P. 280.

¹⁹ Впервые под загл.: Кто это? («К нам приехал из Капштадта...») // Крокодил. 1938. № 27. С. 2. Стоит отметить, что это не первый случай обращения Маршака к наследию Гебеля. Как показал Д. Чижевский, стихотворение Маршака «Мельник, мальчик и осел» (1930) представляет собою обработку истории Гебеля «Der seltsame Spazierritt» (см.: Tschizewskij D. Johann Peter Hebel in der russischen Literatur und Schule // Ruperto Carola: Mitteilungen der Vereinigung der Freunde der Studentenschaft der Universität Heidelberg. Heidelberg. Jahrgang 12. Bd 28. 1960. S. 60; Idem // Welt am Oberrhein. 1961. Heft 6. S. 400); это стихотворение, однако, издается с подзаголовком «Восточная сказка» и соответствующе-

езжая по Москве и Подмосковию, интересуется, кому принадлежат дачи, театр, пароход, а узнав, восклицает: «Какой богатый / Этот мистер Комсомол!» Единственное, что существенно различает истории о богачах Каннитферштане и Комсомоле, это отсутствие сцены похорон второго.

JAWS

Остап Бендер вспоминает:

У меня самого была знакомая акушерка по фамилии Медуза-Горгонер, и я не делал из этого шума, не бегал по улицам с криками: «Не видали ли вы часом гражданки Медузы-Горгонер. Она, дескать, здесь прогуливалась».

Не сразу заметный комизм вопроса «Не видали ли вы» состоит в том, что с мифологическим тезкой разыскиваемой гражданки встречаться (особенно взглядом) не показано.

Образ восходит к «дантистке Медузе-Горгонер» из записной книжки Ильфа²⁰, и, если бы примериванием этого имени то к дантистке, то к акушерке занимался Набоков, можно было бы смело говорить о пародии на отождествление горгоны Медузы с *vagina dentata* в трудах венской делегации. Трудно, однако, подозревать кастрационный комплекс у того, кого «любили домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник [первоначально: зубной врач]».

Уже приходилось указывать на ассоциацию Медузы-Горгонер с персонажем «Египетской марки»:

Где-то практиковала женщина-врач Страшунер²¹.

щим образом иллюстрируется.

²⁰ См.: Яновская Л. М. Почему вы пишете смешно? М., 1969. С. 71—72.

²¹ См.: Безродный М. Пиши пропало. СПб., 2003. С. 39.

Ее прототипами считают зубного врача Р. А. Страшунскую-Хволес²² и упомянутую на той же странице «Всего Петрограда» Е. Д. Страшунер²³. Судя по ранней редакции повести:

Женщина-врач Страшунер лечила по детским болезням. <...> Если лечить молочные зубы — не случится ничего худого. [А кому-то в дикой провинции привязали зуб за ниточку к кровати и поднесли к лицу горящую головню — так гласила о ком-то легенда.] А то еще привяжут [больной] зуб за ниточку к кровати и поднесут к лицу горящую головню²⁴,

— Страшунер была связана с темой зуболечения. Но о какой «легенде» идет речь? Удержимся от соблазна увидеть в «горящей головне» анаграмму Γορῶν и вспомним, как удаляла зуб тетья Полли.

ЕЩЕ О РЕЧЕВОЙ МАСКЕ ФАДДЕЯ

Речевое поведения Фаддея в 5-й главе «Смерти Вазир-Мухтара» обладает некоторыми чертами сходства с речевым поведением Голядкина во 2-й главе «Двойника»²⁵, однако подлинным источником реплик тыняновского Фаддея (слева) явился очерк его прототипа²⁶:

— Фамильяриться со старшими (или: со стариками, или: с портными) смерть не люблю и гнушаюсь всяким фанфаронством. <...>

— Ваше величество — или ваше

Фамильяриться не люблю я с старшими и гнушаюсь фанфаронством, которое не чтит ни лет, ни заслуг, ни звания, но не умею также играть ни роли лакея, ни се-

---

²² См.: Михайлов А. Д., Нерлер П. М. Комментарий // Мандельштам О. Соч. М., 1990. Т. 2. С. 412.

²³ См.: Лекманов О., Котова М., Репина О., Сергеева-Клятис А., Синельников Е. Пояснения для читателя // Мандельштам О. Египетская марка. М., 2012. С. 168.

²⁴ Мандельштам О. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. С. 576.

²⁵ См.: Безродный М. Речевая маска Фаддея // Toronto Slavic Quarterly. 2011. № 35. P. 375—377.

²⁶ Булгарин Ф. В. Поездка в Грузино в 1824 году: (Из воспоминаний) // Новое село. СПб., 1846. Ч. 3. С. 201—220.

высочество, — фамильяриться со старшими не привык и гнушаюсь фанфаронством, которое не чтит ни лет, ни заслуг, ни звания. <...>

— Фамильяриться со старшими не терплю, — сказал сдавленным голосом Фаддей, — и гнушаюсь фанфаронством, но уж если ваше превосходительство недовольны моим другом, то я не могу играть роли серальского немого и никогда не стану вести себя как кариатид. <...>

— Я не умею играть роли лакея, — отвечал он, — я не кариатид и не Катилина, и позвольте вам, ваше превосходительство, дать понять, что я не в темя бит и превосходно знаю смысл русской пословицы: кошку бьют, а невестке намеки дают <...>

— С моим образом мыслей я никогда не скрываюсь, — сказал Фаддей, — не скрывался и до гробовой доски скрываться не стану по моему характеру. Если бы мне нравился образ правления Северо-Американских Соединенных Штатов, то, не обинуясь, я поехал бы в Америку и поселился в ней.

ральского немого, ни бездушного льстеца.

<...> Не в темя я бит <...> Это было исполнение русской пословицы в обратном смысле: «Кошку бьют, а невестке намеки дают». <...> с моим образом мыслей я никогда не скрываюсь, не скрывался и до гробовой доски скрываться не стану, не по излишеству благоразумия, а по характеру. Если б мне нравился образ правления Северо-Американских штатов, то, не обинуясь, я поехал бы в Америку и поселился б в ней. <...> Принимаю сходство мое с Цицероном в одном только отношении, а именно в ненависти к <...> Ни за какие земные блага не пойду я туда, где я должен играть жалкую и безмолвную фигуру... быть кариатидом в зале!

О ПИЩЕВОЙ ЦЕПИ

Сын царя, сын земледельца, сын вельможи и сын купца, странствуя, обнищали. Они останавливаются у незнакомого города, и каждый по очереди отправляется за городские ворота, чтобы вернуться с едою на всех четверых, заработав ее тем, на что более всего полагается. В первый день усердный (сын земледельца) зарабатывает дирхем; на другой день пригожий (сын

вельможи) — пятьсот дирхемов; на третий день предприимчивый (сын купца) — сто тысяч; наконец в город отправляется целиком полагающийся на судьбу (сын царя) и становится царем.

Одним из наиболее существенных изменений, которые в ходе бытования перетерпел этот сюжет из «Калилы и Димны», явилось сокращение числа спутников царевича до двух — земледельца и купца. Другим — добавление мотива стартового капитала: купец, прежде чем отправиться в город, чтобы заработать спекуляциями, выпрашивает денег у земледельца, заработавшего их трудом.

Представляется, что указанный сюжет лег в основу рассказа О. Генри «The Man Higher Up». Случай сводит в лесной лачуге трех спасающихся от преследования жуликов: один промышляет взломом, другой — продажей бесполезных предметов, третий — фиктивными акциями. Первый дает каждому новое имя: себе — Труд, второму — Торговля, третьему — Капитал. Похитив еду на ферме и накормив спутников, «Труд» заявляет, что его ремесло — наилучшее, ведь для занятия другими необходим стартовый капитал. «You need \$500, — говорит он «Капиталу», — to make the first payment on a blond typewriter, and four roomful of quartered oak furniture. And you need \$500 more for advertising contracts». Взломщик отправляется в соседний городок, возвращается с деньгами, похищенными в банке, и предлагает спутникам: «I'll stake you. How much do you want? Speak up». «Капитал» выпрашивает у него небольшую сумму и исчезает. «Торговля» отказывается от подачки, но дочиста обыгрывает удачливого спутника в карты. Вскоре, однако, «Торговля» тратит все деньги, вложив их в акции компании, председателем которой оказывается «Капитал».

Представляется, далее, что из этой новеллы О. Генри авторы «Золотого теленка» позаимствовали следующие мотивы:

- встреча жуликов, спасающихся бегством;
- спор жуликов об эффективности тех или иных способов получения денег: «только кража» vs «только ограбление»;
- аренда жуликами конторы;
- предложение денег, которое жулик преуспевающий делает жулику безблагодатному.

ДРАМА АБСУРДА: РУССКИЕ КОРНИ?

La Demoiselle-paysanne

Ses extravagances furent dès lors d'un nouveau genre: un jardin anglais engloutit presque tous ses revenus. Ses palefreniers furent accoutrés en jockeys anglais. Sa fille eut une gouvernante anglaise, et c'est d'après la méthode anglaise que ses champs furent cultivés.

traduit du russe par André Gide et Jacques Schiffrin

La Cantatrice chauve

Intérieur bourgeois anglais, avec des fauteuils anglais. Soirée anglaise. M. Smith, Anglais, dans son fauteuil et ses pantoufles anglais, fume sa pipe anglaise et lit un journal anglais, près d'un feu anglais. Il a des lunettes anglaises, une petite moustache grise, anglaise. A côté de lui, dans un autre fauteuil anglais, Mme Smith, Anglaise, raccommode des chaussettes anglaises. Un long moment de silence anglais. La pendule anglaise frappe dix-sept coups anglais.

О КОНВЕРГЕНЦИИ

Случаи подобия текстов объясняют либо влиянием, либо сходством условий их возникновения. К числу последних относятся, например, дефицит фабульных и риторических ресурсов при совпадении заданий.

Пример 1: сочиняется пародия на басню как жанр, и действие происходит в мире посуды и столовых приборов; в одной из пародий вилок нападает, а в другой грозит напасть на героя противоположного пола; в качестве же морали и тут и там делается вывод, что с вилок шутки плохи:

А. К. Толстой

«Угрозило кофейник...»

...

Поделом тебе, кофейник!
Впредь не суйся в муравейник,
Не ходи как ротозей,
Умеряй характер пылкий,
Избирай своих друзей
И не связывайся с вилок!

Christian Morgenstern

Herr Löffel und Frau Gabel

...

Der Löffel aber fand:
Mit Herrn und Fraun aus Eisen
ist nicht gut Kirschen speisen,
und küsste Frau Gabel galant —
die Hand.

1895

1868

Пример 2: каждый из текстов представляет собой колыбельную, исполняемую мужем в отсутствие жены — как ему кажется, неверной, при укачивании ребенка — как ему кажется, чужого. Помимо неслучайных совпадений, вызванных одинаковой темой, есть и случайные: в каждом тексте семь строф, и в предпоследней поющей сожалеет, что напугал ребенка:

Саша Черный

Erich Kästner

**Колыбельная
(Для мужского голоса)**

**Wiegenlied
(Ein Vater singt)**

Мать уехала в Париж...
И не надо! Спи, мой чиж.
А-а-а! Молчи, мой сын,
Нет последствий без причин.

Schlaf ein, mein Kind! Schlaf ein, mein Kind!
Man hält uns für Verwandte.
Doch ob wir es auch wirklich sind?
Ich weiß es nicht. Schlaf ein, mein Kind!
Mama ist bei der Tante...

Черный, гладкий таракан
Важно лезет под диван,
От него жена в Париж
Не сбежит, о нет, шалишь!

Schlaf ein, mein Kind! Sei still! Schlaf ein!
Man kann nichts Klügres machen.
Ich bin so groß. Du bist so klein.
Wer schlafen kann, darf glücklich sein.
Wer schlafen darf, kann lachen.

С нами скучно. Мать права.
Новый гладок, как Бова,
Новый гладок и богат.
С ним не скучно...
Так-то, брат!

Nachts liegt man neben einer Frau,
die sagt: Laß mich in Ruhe.
Sie liebt mich nicht. Sie ist so schlau.
Sie hext mir meine Haare grau.
Wer weiß, was ich noch tue.

А-а-а! Огонь горит,
Добрый снег окно пушит.
Спи, мой кролик, а-а-а!
Всё на свете трын-трава...

Schlaf ein, mein Kind! Mein Kindchen schlaf!
Du hast nichts zu versäumen.
Man träumt vielleicht, man wär ein Graf.
Man träumt vielleicht, die Frau wär brav.
Es ist so schön, zu träumen...

Жили-были два крота...
Вьнь-ка ножку изо рта!
Спи, мой зайчик, спи,
мой чиж,
Мать уехала в Париж.

Man schufftet, liebt und lebt und frißt
und kann sich nicht erklären,
wozu das alles nötig ist!
Sie sagt, dass du mir ähnlich bist.
Mag sich zum Teufel scheren!

Чей ты? Мой или его?
Спи, мой мальчик, ничего!

Не смотри в мои глаза...
Жили козлик и коза...

Кот козу увез в Париж...
Спи, мой котик, спи,
  мой чиж!
Через... год... вернется... мать...
Сына нового рождать...

Der hat es gut, den man nicht weckt.
Wer tot ist, schläft am längsten.
Wer weiß, wo deine Mutter steckt!
Sei ruhig. Hab ich dich erschreckt?
Ich wollte dich nicht ängsten.

Vergiß den Mond! Schlaf ein, mein Kind!
Und laß die Sterne scheinen.
Vergiß auch mich! Vergiß den Wind!
Nun gute Nacht! Schlaf ein, mein Kind!
Und, bitte, laß das Weinen...

1913

1928

Пример 3 — анекдоты, возникающие при сходных режимах:

— У вас рыбы нет?
— У нас мяса нет. Рыбы нет в
отделе напротив.

— Sagen Sie mal, haben Sie hier keine
Schuhe?
— Keine Schuhe gibt es eine Etage tiefer,
hier haben wir keine Hosen.

EX UNGUE

Маяковский («Мексика», «Мое открытие Америки») и Дон-Аминадо («Поезд на третьем пути»), описывая свою гимназическую одержимость Купером и Майн Ридом, вспоминают имя Монтигомо Ястребиный Коготь. Гадание о происхождении этого имени тематизировано у Каверина: «...оказалось, что это имя совсем не из Густава Эмара, как думали мы с Катей, а из Чехова». Действительно, оно вошло в обиход благодаря Чехову, переделавшему имя героя пьесы «Мон-ти-гоммо, или Ястребиный глаз, предводитель индейского племени О'мано-Ашанти» (постановка 1884 г.)²⁷.

Время от времени, однако, чеховское авторство оспаривают. Так, глава «Ястребиные когти» в книге «Ты и твое имя» открывается следующим рассуждением:

Вспомните роман Фенимора Купера «Следопыт»; вам непременно придет на память его герой, благород-

---

²⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1979. Т. 16. С. 163.

но-суровый индеец-охотник, по имени Монтигомо. Говорят, будто имя это по-индейски значит: «Ястребиный коготь»²⁸.

А «Известия» по случаю юбилея Майн Рида приписали ему авторство и имени Монтигомо, и романа «Зверобой»²⁹.

ПТИЦА ВОРОБЕЙ

В увлекательной и богатой ценными наблюдениями работе «Загадки „Знаков Зодиака“» А. Жолковский, задаваясь вопросом о происхождении конструкций «животное Собака», «птица Воробей» и под., замечает:

Подобные аппозитивные словосочетания несут на себе печать особого, несколько наивного — «общеобразовательного» — дискурса, применяемого в упражнениях по языку, букварях, справочниках, загадках, кроссвордах, викторинах типа:

Что такое яблоко? Яблоко — это фрукт, который...

Назовите фрукт, цветок и животное. Фрукт — яблоко, цветок — роза, животное — собака.

Арбуз — это не фрукт, а ягода.

По вертикали: домашнее животное, 6 букв, и т. п. <...>

По замечанию В. В. Емельянова (устно), самой архаической (и, возможно, известной Заболоцкому) формой такой «букварной» категоризации понятий были применявшиеся в клинописном и иероглифическом письме (в частности, шумерском, хеттском и египетском) *детерминативы*. Детерминативы — это идеограммы, способствовавшие однозначному пониманию текста, но не произносившиеся при чтении; среди них были обозначавшие «рыбу», «птицу», «дерево», «человека» и др.³⁰

---

²⁸ Успенский Л. В. Слово о словах; Ты и твоё имя. Л., 1962. С. 397.

²⁹ Кедров К. Свободолюбец, начинавший с работоторговли // Известия. 4 апр. 2008. С. 4.

Замечание об «общеобразовательной» стилистике аппозитивных конструкций представляется абсолютно верным, а вот предположение о возможном знакомстве Заболоцкого с клинописной и иероглифической формой категоризации понятий кажется любопытным, но несколько «уводящим от гнезда». Думается, что родиной перечисленных в стихотворении представителей фауны и флоры было пособие для изучающих родную речь — например, выдержавший десятки переизданий (и выученный наизусть героем «Истории моей голубятни») «Учебник русской грамматики для младших классов» петербургского филолога и педагога П. В. Смирновского (1846—1904). Ср.³¹:

Къ § 10. Дубъ—дерево. Роза—цвѣтокъ. Олень—животное. Воробей—птица. Россія — наше отечество. Смерть неизбежна.

Правда, Ю. Апресян уверяет, что «никакого Смирновского, которому Набоков приписывает авторство учебника [имеется в виду эпиграф к роману «Дар»], в природе не существовало»³², но это открытие, уже вызвавшее недоумение³³, следует, вероятно, считать пародией на труды Фоменко и его школы.

---

³⁰ Жолковский А. К. Очные ставки с властителем: Ст. о рус. лит. М., 2011. С. 401—402, 579.

³¹ Цит. по: Смирновский П. Учебник русской грамматики для младших классов средних учебных заведений. Ч. 1: Этимология. Изд-е 26-е. М., 1916. С. 78; см: http://imwerden.de/pdf/smirnovsky_etymology_1915.pdf. Об авторе см., напр.: История литературного образования в российской школе: Хрестоматия для студентов филол. фак-тов пед. вузов / Сост. В. Ф. Чертов. М., 1999. С. 168—169.

³² Апресян Ю. Как понимать «Дар» В. Набокова // In Honor of Professor Victor Levin: Russian Philology and History. Jerusalem, 1992. С. 360.

³³ См.: Мызников Д. В. О некоторых особенностях композиции романа В. Сирина «Дар» // Studia litteraria polono-slavica. Warszawa, 2000. № 5. С. 336.

О СРЕДНЕМ РОДЕ

Довлатовская реприза:

Расположились мы как-то с писателем Демиденко на ящиках около пивной лавки. Ждем открытия. Мимо проходит алкаш, запущенный такой. Обращается к нам:

— Сколько время?

Демиденко отвечает:

— Нет часов.

И затем:

— Такова селяви.

Алкаш оглядел его презрительно:

— Такова селяви? Не такова селяви, а таково селяви. Это же средний род, мудила!

Демиденко потом восхищался:

— У нас даже алкаши могут преподавать французский язык!

— представляет собою вариацию популярного у русских мотива «триумф (реванш) слабого». Читатели улыбаются, не замечая солецизма в первой же реплике триумфатора и не задумываясь над обоснованностью его ревизионизма.

О ГОТИКЕ КАК НАРКОТИКЕ

Какое слово отсутствует в четверостишии:

Я всегда твердил, что судьба — игра.

Что зачем нам рыба, раз есть икра.

Что готический стиль победит, как школа,
как способность торчать, избежав укола,

присутствуя незримо?

Нередкое у Бродского: «игла». Его субститутами выступают «игра», «икра» и мотив готики, о победе коей речь пойдет и в следующей строфе: «русский глаз отдохнет на эстонском шпиде» (кстати: «русский ГЛАЗ»), а отсутствие тематизировано оборотом «избежав укола». Адресат и комментатор этого стихотворения Л. Лосев указывает на переключку мотива готики с «Ут-

ром акмеизма»³⁴. Можно предположить, что на этот мотив работает и образ рыбы; ср. знаменитое: «Костел был огромен. Он врезался в небо, колючий и острый, как рыба кость».

Лосев обращает также внимание на принадлежность глагола «торчать» словарю наркоманов³⁵. В пользу этого наблюдения говорит еще то, что пятый стих каждой из шести строф начинается словами «Я сажу...»

«РЕПЕТИЦИЯ ПАРАДА»

Свод парадной лестницы вюрцбургской епископской резиденции, спроектированный молодым Нейманом, поражает не фреской кисти Тьеполо, самой большой в мире из выполненных на потолке, а отсутствием дополнительных опор при площади 576 кв. м (32×18).

В силлаботонике такое невозможно. Взять, к примеру, анапест. Уже шестистопный большая редкость: по данным НКРЯ — всего шесть случаев (ср.: Ан5 — 153, Ан4 — 438, Ан3 — 1361; это все без учета полиметрии). Отдельные строки Ан7 встречаются у Пастернака:

Этот приступ печали, гремящей сегодня, как ртуть в пустоте Торичелли...

Отбивай, ликованье! На волю! Лови их, — ведь в бешеной — этой лапте...

И ласкались раскатами рога и треском деревьев, копыт и когтей...

Сплошь семистопным анапестом написана, кажется, только «Репетиция парада» Чухонцева. Но без дополнительных опор — внутренних рифм — оставлены только четыре строки из двадцати восьми: две в начале (2-я и 5-я) и две под конец (20-я и 23-я). Рифмовка такова (выделены внутренние):

---

³⁴ См.: Бродский И. Стихотворения и поэмы. СПб., 2011. Т. 1. С. 555.

³⁵ Там же.

ааБвгГБддвЕжжвааЕжгззЕаагаИккгллИлаккИмманОппар-
рОсннОрррсТуусффТгхццТччх

Благодаря внутренним рифмам (мужским, преимущественно парным) $Ан7жм$ распадается на $Ан2м + Ан2м + Ан3жм$, т. е. превращается в нечто знакомое (ср. «Замок Смальгольм»):

О спектакль даровой, чьей еще головой ты заплатишь
за щедрость народа?

Что стратегам твоим европейский расчет и лишен-
ный раздолья размах,
если рвется с цепей на разгулье полей азиатская наша
свобода!

Кто играет тобой, современный разбой? Неужели
один только Страх?

С ЭТИМ СЮЖЕТОМ ПОКУПАЮТ

1. Герой, числящий умеренность среди главных своих достоинств, ищет благосклонности двух героинь, одну из которых зовут Елизавета. (С этим сюжетом покупают комедию 1820-х + повесть 1830-х³⁶.)

2. Герой наблюдает за поведением существа женского пола, догадывается о его сверхъестественном происхождении (способностях) и восклицает «эге» («эхе»); оба отправляются в полет. (Четыре произведения, опубликованные в Петербурге в 1833—1835³⁷.)

3. В числе действующих лиц: три сестры, гордая красавица с реноме падшей женщины и положительный герой с львиным именем. Брачный партнер младшей из сестер, он очарован красавицей; встрече с нею предшествует описание ее портрета. Важное место в сюжетной машинерии отведено железной доро-

³⁶ «Горе от ума» + «Пиковая дама».

³⁷ «Киевские ведьмы» + «Гусар» + «Конек-горбунок» + «Вий».

ге. (Два романа, о существовании которых первыми узнали подписчики «Русского вестника»³⁸.)

4. Рассказывая в полиции о скандале, хозяйка публичного дома выставляет себя невинной жертвой. Полицейский не верит ей, бранит ее и прогоняет. Появляется его начальник. Молодой образованный человек, глазами которого мы всё это наблюдаем, твердо дает понять, что унижать себя не позволит. (Воспоминания 19 в. + роман 19 в.³⁹)

5. Тонущего спасает морское существо, сразу исчезающее, и спасенный, которого морское существо полюбило, вступает в брак с мнимым спасителем. (Сказка 1830-х + роман 1920-х⁴⁰.)

6. В обществе вслух читаются характеристики на присутствующих. Описываемые в них лица предстают в невыгодном свете или в нелепом виде. Встает вопрос о целесообразности чтения всех характеристик, и те, чьи характеристики еще не оглашены, противятся продолжению чтения, а те, чьи оглашены, на его продолжении настаивают. (Комедия 1830-х + сказка 1950-х⁴¹.)

7. Морской офицер боготворит авантюристку и становится послушным орудием в ее руках. (Роман 1840-х + роман 1920-х⁴².)

8. Самозванец соблазняет дочь хозяина дома; жена хозяина застагает их и выставляет дочь вон; соблазнитель переключается на жену хозяина. (Комедия 1830-х + роман 1950-х⁴³.)

9. Группа мужчин отправляется за несметным богатством. Столкнувшись с трудностями, все, кроме тридцатитрехлетнего инициатора экспедиции, выходят из дела. По возвращении он,

---

³⁸ «Идиот» + «Анна Каренина». Кажется, первым, кто обратил внимание на использование в обоих романах приема опережающего изображения (который восходит к мотиву осознания героем-искателем недостатка по знакомству с изображением/описанием красавицы — см.: Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969. С. 70), был Блок: читая гл. 9 ч. 7 «Карениной», он записал на полях своего экз.: «Наст. Фил. тоже прежде портрет, а потом сама» ([Пометы А. А. Блока на изд.:] Толстой Л. Н. Соч. М., 1887. Ч. 11. С. 219 // Б-ка Ин-та рус. лит. РАН. 94/58).

³⁹ «Былое и думы» + «Преступление и наказание».

⁴⁰ «Den Lille Havfrue» + «Человек-амфибия».

⁴¹ «Ревизор» + «Приключения Незнайки и его друзей».

⁴² «Les trois mousquetaires» + «Гиперболоид инженера Гарина».

⁴³ «Ревизор» + «Bekanntnisse des Hochstaplers Felix Krull».

тем не менее, делится с ними богатством, причем одному из бывших компаньонов дает пятьдесят тысяч. (Рассказ 1910-х + роман 1930-х⁴⁴.)

10. Молодой человек, получивший образование в области пластических искусств, приобретает некий предмет и, хотя тот достается ему за невысокую цену, досадует на себя за расточительство, ведь из-за отсутствия заказов он сильно стеснен в средствах. Из купленного предмета выходит старик в восточном одеянии, наделенный сверхъестественными способностями, и вскоре молодой человек получает свой первый заказ. (Повесть 1830-х + роман 1890-х⁴⁵.)

11. В день своего приезда в Петербург главный герой, глядя на Фальконетова Петра, вспоминает стихотворные строки — однако не из «Медного всадника». (Воспоминания 19 в. + роман 20 в.⁴⁶)

12. Чтобы узнать о судьбе своего проекта, поданного императору, князь ожидает приема у Аракчеева. Предыдущего просителя Аракчеев распекает и унижает. Принимая князя, Аракчеев подает ему бумагу, и князь читает отрицательную и безграмотно написанную резолюцию, наложенную Аракчеевым на его проект. (Два исторических романа⁴⁷.)

13. Развратник сожительствует сперва с тридцатипятилетней вдовой, затем с ее несовершеннолетней дочерью. (Два романа 1950-х⁴⁸.)

14. Парвеню сближается с богатым шалопаем, которому докучает родительский контроль, и, усвоив его манеры и почерк, замещает его. (Два романа 1950-х⁴⁹.)

К СУДЬБАМ ЧЕХОВСКОГО РУЖЬЯ

«Смерть шпиона Гадюкина»⁵⁰.

---

⁴⁴ «Вперед и назад» (Грин) + «Золотой теленок».

⁴⁵ «Портрет» (Гоголь) + «The Brass Bottle».

⁴⁶ «Былое и думы» + «Жизнь Клима Самгина».

⁴⁷ «Война и мир» + «Александр I» (Мережковский).

⁴⁸ «Lolita» + «Доктор Живаго».

⁴⁹ «Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull» + «The talented Mr. Ripley».

⁵⁰ Вывод: Not every gun is like Chekhov's one. Примечание юбилейное и, дай бог, не последнее.